

# Джанни Родари

## Синьор Притворуччи

Синьор Притворуччи был ужасным неженкой. Нет, вы просто не можете себе представить, каким он был неженкой. Если по стене ползла сороконожка, он уже не мог спать и жаловался на шум, ну, а уж если Муравьишка нечаянно ронял на пол крупицу сахара, то он подскакивал как ужаленный и в страхе кричал:

– Караул! Землетрясение!

Само собой разумеется, он терпеть не мог детей, грозы и мотоциклеток. Но больше всего ему досаждала пыль, скрипевшая под ногами, поэтому он никогда не ходил, даже по комнате, а заставлял дюжего лакея носить себя на руках. Этого лакея звали Гульельмо, и Притворуччи целыми днями донимал его нотациями.

– Тише, Гульельмо! – пищал он. – Не скрипи тряпкой! Делай все тише, не то я не выдержу и разлечусь на куски!

Оттого что он никогда не ходил ни по земле, ни по комнате, он стал толстеть, и чем больше толстел, тем становился чувствительнее. Под конец его стали беспокоить даже мозоли на руках у Гульельмо.

– Да что же это такое, Гульельмо? – пищал он. – Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смел носить меня голыми руками. Сию же минуту надень перчатки!

Гульельмо отдувался и с трудом натягивал на руки громадные перчатки, такие толстые и широкие, что они наверняка были бы широки даже гиппопотаму.

Между тем Притворуччи все толстел и толстел, и с каждым днем становился все тяжелее. Теперь даже зимой бедняга Гульельмо обливался потом, словно на дворе стояла июльская жара.

И вот однажды у него мелькнула мысль: "А что будет, если я сброшу синьора Притворуччи с нашего балкона?"

Случилось так, что как раз в этот день синьор Притворуччи нарядился в белый чесучовый костюм. И когда Гульельмо сбросил его с балкона, он угодил на то самое место, где незадолго до этого муха оставила свою точку. Точечка еще не совсем засохла и испачкала синьору Притворуччи его белые брюки. Чтобы разглядеть пятнышко, которое осталось на брюках, понадобился бы самый сильный микроскоп, но синьор Притворуччи был таким неженкой, что тут же умер от огорчения.